

Разрешите представиться. Русская поэтесса. Одна из.

Уехала в Чехию в 1999 году. Из Барнаула, где к тому времени были публикации в прессе и даже книжка. В общем, надежды подавала. Все друзья и знакомые, провожая, были уверены, что, как человеку пишущему, мне конец, ибо – как писать по-русски не в России?

В Праге тогда был один-единственный русскоязычный журнал, в котором раз в год печатали исключительно классических поэтов (редактор говорил, что в поэзии не разбирается. Поэтому публикует только «проверенные стихи»). Были самодеятельные вечера, на которых мы, все четыре поэтессы, продавали за три копейки свои книжечки, отпечатанные в единственной русской типографии. Ощущала себя Буниным, который боялся потерять русский язык и потому старался поменьше говорить по-французски (по-чешски, в моём случае).

Однако за двадцать лет всё изменилось. Поэты постепенно зарегистрировались на стихотворных сайтах и начали общаться в сети, публиковаться по всему миру, продавать книги по интернету и участвовать в поэтических конкурсах, которые, сразу же после возникновения, автоматически стали международными. Посетив немало таких конкурсов в разных ипостасях, могу с уверенностью утверждать: страна проживания на творчество поэта не влияет. То есть – влияет, но как бы поточнее выразиться... в общебытовом, экзистенциальном

смысле. В Германии, скажем, Вася Пупкин пишет о липах и клёнах, глядя на них в окно ранним утром, а в Голландии бы писал о море – исключительно по ночам, потому что по-другому бы сложилась его жизнь и работал бы он в другом месте (большинство поэтов, как известно, в свободное от поэзии время зарабатывают деньги, платят налоги, растят детей и бьются за место под солнцем – не поэтическим. Просто под солнцем. И это, конечно, сближает их с поэтами России).

Есть много сторонников точки зрения, высказанной в самом начале этой статьи: дескать, нельзя жить не в России и писать на русском языке, потому что он неумолимо теряется и ветшает в условиях иной языковой среды. Но количество поэтов русского зарубежья, а главное – их качество, опровергают эту мысль. В наше время пространство едино, и ни в одной стране мира общение на родном языке не ограничено. А это значит, что поэты русского зарубежья владеют русским языком никак не хуже тех, кто остался дома. Читаешь стихи и чаще всего не можешь определить, где живёт их автор. Просто наслаждаешься прекрасным русским словом. То есть на поэтическое творчество язык страны проживания не влияет. Впрочем, это зависит от автора. Может появиться... нет, не акцент, но... аромат, что ли... Ведь в стихи врываются реалии нашей новой родины, и язык – главная из них. С помощью средств чужого языка (поначалу чужого, а теперь-то родного уже. Скажу иначе: другого!) мы стараемся приблизить нашу чужую жизнь к читателю. Потому что читатель наш – русскоязычный. Где бы он ни жил. (О случаях, когда нас переводят, – я не говорю.)

Путь в литературу у каждого свой, но, чтобы развиваться, поэтам и писателям нужны публикации, обратная связь с читателями (а в идеале – ещё и с критиками) и общение с себе подобными. С общением несколько проще: собраться и почитать друг другу стихи можно везде. (О виртуальном я и не заикаюсь даже: это само собой!) Ещё лучше организовать какой-нибудь литературный вечер или фестиваль. В давнем 2002-м для поэтов русского зарубежья существовал только один конкурс – «Пушкин в Британии». Пройдя в финал, нужно было приехать в Лондон, а это могли себе позволить далеко не все – хоть бы даже и из-за визы. Семью годами позже, в 2009 году, в Брюсселе появился конкурс «Эмигрантская лира», а спустя пару лет все страны и континенты охватило массовое русско-литературно-фестивальное движение. И Прага не избежала такой участи. Несколько лет подряд Союз русскоязычных писателей Чехии (к тому времени он уже существовал) проводил так называемый Пражский литературный фестиваль, а сейчас Ирина Силецкая, президент Европейского конгресса литераторов, каждый год встречает гостей на фестивале «Славянские традиции».

Схема проведения любого фестиваля примерно такова: анонс, работа с присланными опусами многочисленных авторов, объявление шорт-листа, организация проведения финала. Это очень важно: встреча поэтов, общение, чтение своих произведений в среде единомышленников... Всё как в России. Но, так или иначе, по объективным причинам, у российских поэтов встреч, выступлений и чтений офлайн (онлайн – это тенденция последнего, карантинного периода) на порядок больше, чем у нас, живущих за границей. И залы у нас – от маленьких до крошечных, потому что потенциальной публики не так много.

Литературные фестивали – это компромисс между количеством участников (чем больше, тем лучше) и их уровнем, хотя, конечно, есть и исключения. За каждым фестивалем следует выпуск коллективного сборника, что очень важно авторам, большинство из которых, как правило, не избалованы публикациями.

Мы живем не в России, но смотрим в её сторону, поскольку там сосредоточено подавляющее большинство наших потенциальных читателей. В самой России тоже есть поэты, и немало. У них рядом библиотеки, где можно выступить, редакции, куда можно заглянуть (писать очень часто бесполезно). Если же кому-то из нас удаётся напечататься в России, то часто возникает проблема: куда посылать авторский экземпляр? (С заграницей связываются изредка и неохотно, оплату пересылки не знают, как брать: с наших счетов на российские не всегда и деньги перевести можно).

С другой стороны, никто не мешает поэту, живущему за пределами России, участвовать в конкурсе, проводимом каким-нибудь российским издательством, победить в нём, получить в качестве приза сертификат на издание книги, издать её и разместить в интернет-магазине. Для российских читателей. Потому что мало кто из живущих в Чехии, Германии, Австрии, а тем более – США и Канаде, станет заказывать себе книжку: слишком это дорого с пересылкой получится. Но российские читатели – это просто родные и друзья поэта. А кто ещё-то?

Да и те в большинстве случаев предпочитают электронную версию, мотивируя тем, что-де хранить бумажные негде, места уже нет в книжном шкафу.

Но мы не унываем. Приезжая в Россию, обходим редакции и библиотеки, оставляя свои книжки и коллективные альманахи из Брюсселя и Нью-Йорка, устраиваем поэтические вечера – совместные с друзьями-местными авторами, а потом ждём их к себе, в Лондон-Париж-Прага, где, как правило, их тоже никто не знал, но приходят, слушают и узнают. Даже книги покупают иногда, что особенно приятно.

Темы ведь у всех нас одни: любовь, природа, жизнь и смерть, история и география.

Мир стал единым, в нём теперь легко преодолеть любые расстояния. С другой стороны – именно это разобщает нас. Поэты формируют себе круг общения, примыкают к каким-то союзам, объединениям и группам (реже – собирают группы сами): так легче жить, печататься и издавать какой-никакой журналчик. Можно подружиться с такой же группой в соседней стране, послать им свои опусы для публикации и в ответ – опубликовать их тоже. И всем хорошо: и тем, и этим, и немногочисленным читателям в обеих странах... Это приносит моральное удовлетворение: мы публикуемся, нас читают... Денег, разумеется, не приносит. Но это нигде и никому. Разве что Россотрудничество поможет или спонсор какой... Или государство выделит деньги из фонда поддержки национальных меньшинств. Русскоязычная диаспора очень сильна во многих странах, где она достаточно велика, а страна более чем стабильна. К Чехии это не относится. Во-первых, это маленькая страна, и нас здесь очень мало. Во-вторых, она однородна по своему этническому составу, и наличие национальных меньшинств – тенденция последних десятилетий – вызывает у чехов недоумение, а порой и неприязнь.

Главное для нас то, что мы всегда на обочине литературного процесса. В своей новой стране – по понятным причинам. Чешский, конечно, знаем, переводим и переводимся, публикуемся, но – во вторую, третью и пятую очередь. В России же профессиональными поэтами и редакторами толстых журналов воспринимаемся «самодеятельными», а до читателей как таковых и не доходим... (если, конечно, поэт, уехав из России, не успел вступить в Союз писателей и как-нибудь блеснуть на литературном небосклоне. Но таковых меньшинство. Поскольку люди уезжают за границу молодыми и, кроме литературных задач, решают и обычные, жизненные, связанные с устройством в другой стране и обретением какого-то статуса. Формирование их как поэтов происходит исключительно за границей). Впрочем, есть путь альтернативный – соцсети. Большая часть читателей находит своих поэтов именно там. Множество интересных, самобытных авторов избегают «официального» признания, публикуются в интернете и неуклонно расширяют свою читательскую аудиторию. Но «вырваться» из сетей в толстые журналы и альманахи бывает очень сложно: клеймо «сетевого» поэта зачастую мешает продвижению, да и автор сам уже не стремится: боится получить отказ. А зря. Ведь публикации в некоторых изданиях («Литературная газета», «Москва», «Нева», «День поэзии» и др.) – это пожизненная мечта большинства поэтов, означающая то, что ты состоялся, признан, замечен в своем кругу. Но писать туда бесполезно – это тоже все знают.

Специфика нынешней литературы, особенно поэзии, в том, что она перестала быть профессией. Сегодняшние поэты по совместительству зачастую занимаются делами, весьма далекими от поэзии (ладно бы преподавание там или редакция, или издание сборников, чем грешат сейчас очень многие авторы). Они просто пишут, их просто читают, и этого им бывает достаточно. В сети своя модель литературного процесса: и критики там есть, и почитатели, и – главное для зарубежья – общение по-русски, и переводят на другой язык – тут же, и публикуют – тут же... От добра добра не ищут: зачем посылать стихи на конкурсы и в редакции журналов, если тебя и так читают сотни людей?

Особенно это относится к пишущей молодежи. На вопрос: «Хочешь напечататься в журнале?» молодой поэт изумляется: «Зачем?». Ему действительно это непонятно, потому что ни он, ни его друзья не будут читать этот журнал. И никакой другой не будут. Им неинтересны застывшие слова. Сами они пишут – не знаю где и чем, но знаю, слышала, как читают: быстро, будто боясь не успеть чего-то в этой жизни, почти без пауз, что, пожалуй, даже к лучшему, потому что поэзия нового времени строится по иным законам: она безрифвенна, декларативна, ритмична, но иначе, чем классическая. А больше всего в ней верлибров, с красивой звукописью, с чередованием слов «жизнь» и «смерть»: только в двадцать лет и играть с ними.

Для нашего поколения важно то, что все мы родом из одной страны, где читали одни и те же книги, смотрели одни и те же фильмы и переживали одни и те же события. Поэтому «память между строк» есть у каждого из нас, и это сближает пишущих людей и читающих, где бы они ни жили. Это греет всех нас. Это наше общее детство и общая юность.

А разрыв с поколением двадцатилетних у нас такой, что не перепрыгнуть эту пропасть. Потому и не читают они нас. И пишут не «под Блока или под Ахматову», а будто отталкиваясь от них.

У них популярны слэмы в подвальных кафе. И среди зрителей сидят чехи, англичане, немцы, которые вообще по-русски не понимают. Они же не стихи слушать пришли! Они пришли на шоу, на действие, на процесс. А мы, как мне кажется, выдаем результат: читаем уже написанные стихи, и это не может нравиться юному поколению. Наши часы безнадежно отстают, что ж тут поделаешь?

Русскоязычная молодежь у нас – двух категорий: привезённые в Чехию родителями и уже родившиеся здесь. Они все проходят сложный путь: вживания в родной язык, который, впрочем, для многих – второй или даже третий, осознания себя частью русской культуры – через отрицание, а то и через протест. В некоторых семьях по-русски только говорят, но не пишут и не читают, и потому, когда молодые люди вдруг

начинают пытаться выражать свои мысли по-русски, продираясь сквозь дебри падежей и склонений, – это очень дорого и трогательно. Кстати, я думаю, что это ещё одна причина популярности верлибров: подбирать русские рифмы чехам невероятно сложно, ибо чешская система стихосложения абсолютно иная, основанная на долгих и кратких звуках. Здесь тенденция переводить верлибрами силлаботонику. Даже Пушкину досталось. (Автору этой статьи посчастливилось читать сказку А.С. по-чешски, которая, если сделать обратный перевод, начиналась так: «Жили-были три девицы. Однажды одна из них сказала: «Если бы я стала царицей, то накормила бы всех досыта». На мой вопрос, зачем так поступили с Пушкиным, редактор книги ответил, что «так лучше всё понять», да и переводить «общий смысл и в общих чертах» гораздо проще).

Наше странное время 3D таково, что всё происходит одновременно: разрыв с поколением собственных детей и сближение с ними на виртуальном уровне, многолетняя жизнь за пределами России и ежедневная связь с русскими читателями по всему миру, ощущение себя в разных качествах, ипостасях, национальностях и гражданствах – и принадлежность ко всеобщему, всеземному племени поэтов. Я думаю, что люди сейчас гораздо менее одиноки, чем раньше. Представить себе полное, абсолютное, эсхатологическое одиночество человека можно только в особых условиях. Возможность ежеминутно общаться со всем миром делает нас свободными, независимо от того, в какой стране мы живём и на каком языке говорим. Потому что думаем и пишем все равно по-русски.